

УДК 821.161.1

ПОЭТИКА ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ В.А. СОЛЛОГУБА «ЧЕРЕЗ КРАЙ»

© 2013 г.

¹*С.И. Ермоленко*, ²*Н.А. Валек*¹Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург²Российский научно-исследовательский институт комплексного использования охраны водных ресурсов, Екатеринбург

ermolenko-1@mail.ru; natfil22@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2012

Рассматривается временная организация забытого романа В.А. Соллогуба «Через край» (опубл. в 1885 г.), соотношение в нем фабульного и художественного времени. Устанавливается сюжетобразующая роль хронотопа «большой дороги» (М.М. Бахтин), которая связывает разные топосы и разные социальные миры, соединяя различные человеческие судьбы, что позволяет создать по-романному емкий образ мира.

Ключевые слова: забытый роман, В.А. Соллогуб, «Через край», хронотоп дороги, фабульное и художественное время.

В самом конце жизни В.А. Соллогуб, которого некогда В.Г. Белинский назвал «первым», «после Гоголя», писателем «в современной русской литературе» [1, с. 536], приступил к реализации своего давнего и, может быть, главного замысла – романа «Через край». Роман был закончен в 1881 г. (за год до смерти писателя) и опубликован в 1885 г. в нескольких номерах не самого популярного тогда в России журнала «Новь» [2]. Единственное в творчестве популярного в 40-е годы прозаика произведение большой жанровой формы было встречено всеобщим молчанием или, если сказать точнее, с полным равнодушием. Не замеченный современниками, воспринятый, вероятно, как запоздалая и надоевшая вариация на традиционную для русской литературы тему «лишнего человека», роман не стал «литературным фактом» (Ю.Н. Тынянов), то есть не оказал какого-либо заметного влияния на литературную жизнь своего времени. А между тем последнее произведение писателя, вероятно, было особенно дорого ему. В романе, автобиографичность которого очевидна, Соллогуб предпринял попытку подвести некий итог не только творческой, но и всей своей прожитой жизни, ответить на мучительно волновавшие его вопросы. Может быть, поэтому, как будто предчувствуя реакцию современников, Соллогуб не спешил с публикацией своего последнего детища.

Роман «Через край» до сих пор (со времени журнальной публикации) остается непереизданным, являясь библиографической редкостью, не привлекая внимания исследователей [одна из первых попыток его изучения была предпринята Н.А. Валек – см.: 3]. Роман, таким

образом, выпадает из контекста творческой эволюции Соллогуба, без которого представление о ней едва ли может быть полным, и из истории русского романного жанра.

Продолжая в самом конце жизни изучение своего главного типа – «доброе, но безвольное малое», героя светских повестей («Большой свет», «Сережа», «Лев», «Аптекарьша», «Метель» и др.) – Соллогуб изображает его духовное пробуждение, ведущее к конфликту со средой. В светских повестях «добрый, но безвольный малый» лишь подходил к осознанию необходимости выхода за пределы узкого аристократического круга. Однако показ окончательного разрыва героя со своей средой и последствий этого разрыва не могло быть осуществлено в рамках светской повести в силу ее жанровых возможностей, предполагающих изображение отношений личности и общества *в самом кругу этого общества*. Дальнейшая разработка центрального типа героя вела писателя к необходимости художественного исследования его взаимоотношений со средой уже в иных жанровых рамках, отличающихся *большим* (по сравнению со светской повестью) потенциалом в эстетическом освоении действительности, осмыслении связей героя с русской жизнью в целом, в *больших* пространственно-временных масштабах. Выполнение такого рода художественной задачи оказывалось возможным лишь в жанровых рамках романа.

Согласно жанровой теории Н.Л. Лейдермана, каждому жанру свойствен свой образ мира – «сокращенной Вселенной», который создается всеми его «механизмами» [4]. Пространственно-временной организации (хронотопу), как

известно, принадлежит важнейшая роль в создании предметно-осязаемого образа мира художественного произведения.

На первый взгляд, «Через край» имеет фрагментарную композицию, поскольку автор акцентирует свое внимание лишь на переломных, вершинных моментах жизни главного героя. В романе двадцать одна глава, причем каждая посвящена описанию какого-то отдельного эпизода жизни героя в конкретном пространственно-временном локусе: будь то его служба на Кавказе или участие в Севастопольской кампании, поездка к матери во Флоренцию или женитьба и семейная жизнь в петербургском аристократическом обществе, случайная встреча с незаурядной провинциальной «барышней», изменившая его судьбу, и пребывание с ней в Париже и т.д. Каждая глава как бы самодостаточна вследствие сюжетной завершенности, имеет легко просматриваемые завязку, кульминацию, развязку, акцентируемую, как правило, неким выводом, подводящим итог изображаемому: «Так кончил жизнь старик Ардаров»; «Через пять минут лихая тройка с ямщиком унесла Ардарова к Дагестанскому ущелью»; «Наконец, передав дела... Ардаров получил возможность уехать в Италию»; «Наконец, воцарилась мертвая тишина, и Ардаров заснул»; «Наконец, коляска была подана, и Ардаров уехал»; «На другой день Ардаров, мертвый, обмытый, одетый, покрытый парчей, лежал на своей убогой кровати» и т.п.

Вместе с тем «Через край» не распадается на отдельные «куски» – фрагменты. На формальном уровне «сцепление» глав нередко подчеркивается соединяющими инициальными фразами – предложениями, открывающими главы романа. Например, глава II («Две смерти») начинается словами: «Через месяц после приведенного разговора, князя Ардаровы сели в парадную карету и поехали в Казанский собор», – отсылающими читателя к разговору героев, состоявшемуся в главе I («Русский барин»). Следующая глава («Тамаша»), открывающаяся словами: «Сын князя Ардарова свято исполнил свое обещание», – заставляет вспомнить об обещании, которое герой дает отцу перед своей отправкой на Кавказ. Начало главы V («Клятва») – «К кончине отца своего молодой Ардаров опоздал. Сам умиравший запретил ему оставлять развалины Севастополя...» – указывает на связь с трагическими событиями предшествующих глав. Начальная фраза главы XII («Барышня»): «Сон Ардарова был тревожен» – продолжение заключительных слов главы XI («Буря»): «Наконец... Ардаров заснул». Глава

XV («Бал»), в которой изображается развитие болезни Ардарова, завершается фразой: врач «признавал присутствие злокачественной тифозной горячки...». Глава XVI («Болезнь») открывается фразой, прямо связанной с финалом предыдущей главы: «Ардаров не умер» и т.д.

Однако художественное единство романа достигается не только таким формальным способом. Целостность произведения обеспечивается благодаря, во-первых, единству замысла (изображение поисков смысла жизни героя-дворянина – «доброе, но безвольное мало») и воплощенной в романе авторской позиции (утверждение необходимости и ценности духовных исканий личности, к каким бы результатам эти искания ни приводили); во-вторых, единству образа центрального героя, путешествующего (по «казенной» и собственной «надобности») по России и зарубежью, – князя Петра Ардарова и, как следствие этого, в-третьих, сквозному, проходящему через весь роман мотиву дороги, развертывающемуся во времени.

«“Дорога”, – писал М.М. Бахтин, – преимущественное место случайных встреч. На дороге (“большой дороге”) пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Это точка завязывания и место свершения событий» [5, с. 177. Курсив автора. – С.Е., Н.В.]

Выходя на «большую дорогу», Ардаров оказывается то на Кавказе, то в снова в Петербурге, откуда начался его путь и куда он периодически возвращается, то едет во Флоренцию, то попадает в помещичью усадьбу Сумбуровку... Затем, как в калейдоскопе, мелькают Германия, Швейцария, Италия, Париж... И так до тех пор, пока это беспокойное движение героя не пресекается его смертью где-то в Оренбурге, на пути в действующую армию. Покидая замкнутый, узкий кастовый мирок петербургского «большого светика» и выходя «через» его «край» на «большую дорогу», Ардаров «случайно» попадает в миры самых разных людей, приобретая жизненный опыт, обогащающий его. Герой получает возможность узнать «Русь необъятную»

не по «тургеневским “Запискам охотника”», по которым только и знает ее аристократический Петербург. Русь со всеми своими проблемами и бедами воочию предстанет перед Ардаровым, пытливно вглядывающимся в нее. Дорога, таким образом, становится не только нитью, связующей разные топоры романа и его разные социальные миры, соединяющей «многообразнейшие» «человеческие судьбы и жизни». Дорога – это еще и тот вектор, который задает направление разворачивания образа мира в романе «Через край» как мира «Земли Русской».

«Внешний» сюжет, обусловленный передвижениями Ардарова в пространстве, осложняется «внутренним» сюжетом, связанным с его духовным пробуждением и эволюцией: изображением мучительных поисков ответов на вопросы: «Что я такое? Для чего я живу?» (мотив дороги, где «время как бы вливается в пространство и течет по нему» [5, с. 177–178], таким образом, оказывается и мотивом жизненного пути). В конечном итоге, герой приходит к пониманию того, что его назначение состоит в служении «родной земле». Идея служения России – одна из центральных в произведении. В самом начале романа отец главного героя будет поучать своего сына, ставя ему в пример жизнь предков княжеского рода Ардаровых: «Прапрадед ваш, князь Петр Андреевич, имел счастье считаться в родстве с великим нашим государем, императором Петром I. Служил он сперва денщиком, потом сенатором. Скончался он Андреевским кавалером и память по себе почтенную оставил. <...> Прадед ваш, князь Андрей Петрович, был человек ученый, государственный. Скончался он канцлером. <...> В портретной галерее Зимнего дворца есть портрет генерала с Георгиевской звездой с одной стороны и без руки с другой: руки он лишился под Бородином. Скончался он в званиях больших. Это портрет моего отца. <...> Я своей службой кичиться не могу, хотя и взыскан щедротами несравненно выше моих заслуг. Служил я без интриг, как следует честному человеку, и вам оставляю имя честное, без пятна и без укора» (I, 423–424).

Весь роман, собственно, и есть повествование о том, как главный герой стремится выполнить наказ отца («Понадобится отечеству жизнь твоя – не щади. Понадобится твое состояние – отдай. <...>...и себя держи так, чтобы в тебе чтили человека» – II, 425) – служить верой и правдой отечеству, чтобы не посрамить «имя честное» рода Ардаровых.

Действие последнего произведения Соллогуба охватывает уже не отдельный, хотя и важ-

ный, но все же ограниченный пространственно-временными рамками эпизод из жизни главного персонажа (как это было в светских повестях писателя), но вмещает в себя около сорока лет, если учитывать включенный в первую главу романа экскурс в прошлое только главного героя. Сжатая предыстория рода Ардаровых, начинающаяся от эпохи Петра I, старого князя-отца, настоящего «русского барина», и его сына – непутевого «малого», каким он предстает в первой главе романа, является экспозицией произведения, укладывающейся в дороманное время.

Благодаря упоминаниям конкретных исторических фактов, можно, говоря словами А.С. Пушкина, «расчислить по календарю» время в романе, установить хронологическую последовательность изображаемых в нем событий. В начале романа отец и сын Ардаровы «обсуждают положение Франции при ее втором случайном императоре» (II, 427), то есть в период правления Наполеона III (1852–1870 годы). Старый князь Андрей Петрович Ардаров, предчувствуя трагический финал Крымской войны, «гибель Севастополя» (основные сражения за город проходили с осени 1854 года и завершились отступлением русских войск 8 сентября 1855 года), переживает поражения русской армии как самое большое горе своей жизни («Мысль, что на смоченной русской кровью земле торчит иностранный флаг, мучила его, как кровная, личная обида» – II, 428). Его сын Петр Ардаров принимает непосредственное участие в этой войне (Ардаров-старший «на свой счет» вооружил дружину и упрощил военного министра, чтоб сына его перевели с Кавказа в Севастополь» – II, 427).

Без труда устанавливается дата смерти отца главного героя. Это происходит в день похорон императора Николая I. Царь скончался в разгар Крымской войны 18 февраля (2 марта) и был похоронен 21 февраля (5 марта) 1855 года.

Несомненное соответствие описания похоронного шествия в романе порядку траурной церемонии, посвященной усопшим монаршим особам, как он сложился в России XIX века [см. об этом: 6], свидетельствует об авторской установке на историческую достоверность, точность изображения.

Символично, что «старик» Ардаров умирает именно в тот самый момент, когда видит из окна поравнявшуюся с его домом колесницу с гробом императора – «любимого царя-рыцаря» («Отошел... Не пережил...»). Окончание исторического этапа в жизни страны совпадает с окончанием жизненного пути одного из тех, кто

служил ей верой и правдой как «честный человек» до самого своего последнего часа. Значимая деталь: старый князь запретит своему сыну – боевому офицеру «оставлять развалины Севастополя», лишив, таким образом, себя «удовольствия видеть в смертные часы единственного своего наследника, которым начинал уже гордиться» (это была его «последняя жертва отечеству»). Название второй главы «Две смерти» подчеркивает неразрывность, в представлении автора романа, судеб страны и отдельной личности, отражение истории в судьбе человеческой.

Соотнесена в романе с историческими событиями и жизнь сына старого князя Ардарова Петра. Главный герой, находясь в действующей армии на Кавказе («Я желаю пожить солдатской жизнью, в строю, на аванпостах...» – I, 427), участвует в сражении с турецкими силами под Баш-Кадыкляром («Едва драгуны успели перейти через Арпачай, как они уже себя показали и показали так, что подвиги их под Баш-Кадыкляром завершили отбитие у неприятеля 22 орудий». <...> Победа была решительная» – IV, 544). Баш-кадыклярское сражение, переломившее на время ход войны, – реальный исторический факт [см. об этом: 7]. Известно, что оно состоялось 19 ноября 1853 года.

В романе не упоминается больше ни об одном из сражений (до баш-кадыклярского), в котором участвовал бы герой. Изображается лишь в третьей главе («Тамаша») геройский поступок Ардарова (проведение рекогносцировки местности, где «в перелеске» скрывались в засаде лезгины, и краткий бой с ними, в который единолично вступает герой), после чего первоначальное, не очень дружелюбное отношение к нему драгунов эскадрона, в котором он служит, меняется («...вы делаете честь нашему полку. Вы настоящий кавказец... Вы нам свой теперь, близкий, товарищ, брат родной» – III, 532). «Райская» погода, «палящее солнце» «в небе темно-синем», «зеленая тишь алазанских виноградников» указывают на то, что описываемое событие происходит летом.

Представляется сомнительным, чтобы столь смелый офицер, как Ардаров, будь он в действующей армии, в самом центре боевых действий, уже давно, смог показать свою отвагу (до баш-кадыклярского сражения) только один раз (во время рекогносцировки). Следовательно, Ардаров находится в полку недавно. И тогда получается, что герой приезжает на Кавказ, вероятно, летом 1853 года. Ардаров будет находиться там до зимы 1853–1854 годов, когда русские войска, «стянувшись» к Александрополю

станут «на зимние квартиры»: отличившись в баш-кадыклярском деле, герой получит повышение по службе и покинет Кавказ.

Собственно фабульное время романа начинается «месяцем» ранее прибытия Петра Ардарова на Кавказ (*весна–лето 1853 года*): герой дает клятву своему отцу, старый князь после «напутственного молебна» в Казанском соборе провожает сына в действующую армию на Кавказ. С этого момента начинается и «большая дорога» Ардарова – история его духовных исканий.

К моменту судьбоносного для Ардарова знакомства с «барышней» Натальей Львовной, хозяйкой имения Сумбуровка (куда он случайно попадает, застигнутый бурей), «прошло уже 16 лет» с тех пор, как, расставаясь с Дарьей Андреевной, Дарико, женой эскадронного штаб-лекаря, накануне сражения под Баш-Кадыкляром, герой «обещал свидеться с нею», да так и не выполнил своего обещания (XI, 180). Значит, знакомство Ардарова с Натальей Львовной приходится на лето 1870 года. На вопрос же Натальи Львовны: «Вам сколько лет?..» – Ардаров ответит: «Около сорока уже...» (XII, 192). Таким образом, Петр Ардаров родился в начале 30-х годов.

Жена Ардарова, Низы Суханова, назовет супружество с ним «одинадцатилетней каторгой» (XVIII, 552). Если учесть, что мысль о разводе возникает у героя после его знакомства с Натальей Львовной, то получается, что свадьба его с Низы Сухановой состоялась в 1859 году. В пользу этой даты говорит также и сообщение о том, как Дарья Андреевна, безответно любившая Ардарова, встретила известие о его женитьбе: «...она написала ему несколько поздравительных строк с теплым пожеланием счастья и потом более 10 лет не докучала ему напоминанием о себе» (XI, 180). Если роман Дарьи Андреевны и Ардарова завершился с отъездом последнего в составе эскадрона в Баш-Кадыкляр в 1853 году, и с тех пор «прошло уже 16 лет», то выходит, что герой женился примерно через 6 лет после расставания с Дарико, то есть в 1859 году.

После скоропостижной смерти сына-младенца Ардаров едет обследовать «родовые вотчины»: очевидно, поездка предпринимается героем вскоре после отмены крепостного права (1861 год): «Теперь они вольные», – думает он о своих бывших крепостных. «Но разочароваться пришлось с первых же шагов. В селах и деревнях поражала бедность. <...> Церковь разрушалась. Школ не было. Не было помощи больным. <...> “Да, разошелся помещик с крестьянином, и в этом – первое зло... <...>... этот развод губит их, губит и губит!..”» (X, 177).

«Около двух лет» продлится незаконный союз Ардарова и Натальи Львовны (XIX, 552). Уже в конце романа, расставшись с Натальей Львовной, разочарованный и опустошенный Петр Ардаров отправляется в Оренбург, чтобы принять участие в «ташкентской экспедиции» (XX, 560). В 1873 году четыре отряда русских войск, собиравшихся в Ташкенте, Мангышлаке, Красноводске и Оренбурге, выступили против Хивинского ханства. Однако Петр Ардаров, прибыв к месту назначения, принять участие в боевых действиях не сможет: обострившаяся в дороге болезнь закончится смертью героя. Стало быть, Ардаров умирает в 1873 году. Так четко определяется фабульное время романа: 1853–1873 годы – один из драматических периодов русской истории, вместивший в себя знаковые исторические события: поражение России в Крымской войне, нарастание социальной напряженности, отмену крепостного права, – изменившие облик страны, в которой «все переворотилось».

Но романное повествование не завершается смертью главного героя. Однако после его гибели писатель уже не будет более столь же четко и последовательно соотносить описываемые в произведении события с конкретными историческими и биографическими реалиями. Становится известным лишь о том, что о смерти Ардарова Наталья Львовна узнает «через шесть месяцев», еще «пять месяцев» после этого она проживет в добровольном заточении на вилле в Швейцарии, где «через месяц» выйдет замуж за своего соседа – «породистого» лорда Дарлингтона. Сколько времени пройдет до приезда к ней Петруши Колпина, сына Дарьи Андреевны, путешествующего по «другим землям», остается неизвестным. Столь же неопределенно в романе будет замечено и о возвращении Петруши в Россию – через «месяца три после» посещения им Натальи Львовны.

Фабульное время, в соответствии с которым основные вехи жизненного пути Петра Ардарова соотносятся с реальными историческими событиями, ближе к финалу сменяется временем, которое не поддается четкой датировке. В результате этого возникает эффект «временной неопределенности» (Б.С. Баевский). В последней главе романа, выполняющей функцию эпилога, события, уже не связанные с образом главного героя, не столько изображаются, сколько бегло пересказываются автором.

Воссозданию атмосферы 50–70-х годов XIX века, в которые «вмещается» фабульное время романа, способствуют также «сигналы времени», вводимые Соллогубом в художественную

ткань повествования. Например, муж Дарико – штаб-лекарь Кондратий Филиппович – курит «жуков табак»; губернаторше бальное платье «было прислано из Парижа от *m-me Laferriere*»; князь Воронцов основывает на Кавказе «20 садов-питомников для разведения разных растений»; в романе упоминается «грубая серая вязниковская скатерть», «серебро от Сазикова» и пр. Благодаря этим деталям образ эпохи в романе получает свой неповторимый, узнаваемый современниками колорит.

Фабульное время романа, неразрывно связанное со временем конкретно-историческим, становится главным темпоральным «стержнем» романа. Но романное время не исчерпывается только временем фабульным. «Через край» изобилует историческими именами, фактами, реалиями, которые «выходят» за временные рамки 1850–1870-х годов, составляя художественное время романа. Так, на первых страницах романа, как уже отмечалось, говорится о роде Ардаровых, упоминается о прапрадеде, бывшем «в родстве с великим нашим государем, императором *Петром I*», деде Петра Ардарова, «лишившимся» руки «под *Бородином*». Сообщается о том, что тетка Ардарова, княгиня Горицына, была «некогда фрейлиной императрицы *Екатерины II*» (V, 546), а муж бабушки Натальи Львовны – генеральши Обрезкиной – «еще *против Наполеона* сражался» (XII, 184) и т.д.

В едином временном потоке оказываются связанными прошлое и настоящее. Память о прошлом в структуре романа «Через край» оказывается принципиально важной. Предыстории есть не только у главных героев – отца и сына Ардаровых, но и у других действующих лиц. Но в отличие от предысторий Ардаровых, которые разворачиваются в авторском повествовании, рассказ о прошлых событиях в жизни других персонажей, как правило, ведется от лица самих этих персонажей. Например, возлюбленная главного героя – Наталья Львовна – расскажет Ардарову о своем детстве, о том времени, когда она жила «с бабушкой летом в Одессе, на даче, над самым морем». О жизни в родительском доме, сватовстве будущего мужа и своем замужестве лично поведаст Ардарову и Дарья Андреевна и т.д. При этом экскурсы в прошлое персонажей, вследствие чего происходит замедление основного романного действия, не заслоняют собою развитие главной сюжетной линии, связанной с образом Петра Ардарова. Вместе с тем прием ретардации позволяет писателю полнее осветить характеры своих героев.

Пересечения времени фабульного, конкретно-исторического со временем художественным,

выходящим за временные рамки описываемых событий, создают многоплановый, емкий романский образ времени. Масштабности временных границ романа «Через край» соответствует насыщенность событиями, связанными со «случайными» встречами на «большой дороге». Д.С. Лихачев справедливо замечал, что «течение времени... зависит от того, насколько тесно, “компактно” изображаются события. <...> Большое количество событий, совершившихся за короткое время, создает впечатление быстрого бега времени. Напротив, малое количество создает впечатление замедленности». При этом «сюжетное время может убыстряться и замедляться... роман “дышит”» [8, с. 216, 215].

Роману Соллогуба свойственны смены не просто «быстрого», но даже стремительного «бега времени» («замедленностью»). Например, в первой небольшой по объему главе романа повествуется о множестве событий, произошедших в прошлом героев: читатель узнает об увлечении отца главного героя его матерью, первых супружеских годах, разрыве брака, детстве и юности Петра Ардарова. В результате возникает впечатление убыстренного хода времени. (Такое стремительное, насыщенное событиями начало Д.С. Лихачев называл «вздохом» романа). Для передачи событий прошлого, Соллогуб использует глаголы прошедшего времени: «Весь Петербург знал во время оно старого вельможу Андрея Петровича Ардарова...»; «Когда он ехал по улице... народ останавливался и дивился...»; «...князь прогуливался каждый день... по Невскому проспекту»; «Не вдаваясь в излишнюю расточительность, жил он широко, роскошно, хлебосольно»; «Сына своего он видел редко и никогда не ласкал» и т.д.

Переход от повествования о прошлом ардаровского рода к настоящему обозначается фразой: «Время быстро пронеслось». С этого момента развитие действия осуществляется хронологически последовательно – в настоящем. Время конкретизируется («в тот же день», «через месяц», «две недели», «в течение целой недели» и т.д.), событий становится меньше. Теперь внимание писателя сосредоточено не столько на самих событиях, сколько на том, как в этих событиях раскрываются характеры героев, как они влияют на их судьбы. Изображение событий способствует выявлению механизма причинно-следственной обусловленности психологических состояний героев, мотивов их поведения. Повествование, замедляясь, психологизируется, насыщаясь пространственными диалогами, внутренними монологами героев, зачастую переданными в форме несобственно-прямой речи.

Снова убыстрятся развитие действия уже в конце романа, после смерти главного героя. Автор почти скороговоркой повествует о дальнейших событиях (связанных уже с другими персонажами романа), которые, как правило, отделены друг от друга большими временными интервалами и происходят в разных точках пространства. Таким образом, подчеркивается центральность образа Петра Ардарова в структуре романа, его первостепенная роль в раскрытии идейно-художественного смысла произведения.

Сообщая о событиях в финале романа, Соллогуб вновь (как и в его начале) избирает форму прошедшего времени. Так, в конце последней главы, как уже отмечалось, выполняющей роль эпилога, говорится о том, что, после расставания с Ардаровым Наталья Львовна «опасно заболела нервной горячкой», «в конце концов, выздоровела», со временем «успокоилась», затем «вытисала из России денег... и уехала в Швейцарию» и уже «ни разу не подумала даже вернуться в Россию». Сумбуrowsкие «домочадцы разбрелись кто куда»; няня, не чаявшая души в «барышне», «истаяла» после ее отъезда за границу; «Кондратию Филипповичу недавно стукнуло 60 лет...», «Дарья Андреевна совсем поседела и расплылась»; Петруша «блистательно – кандидатом – окончил курс в Москве...» и т.д.

Возвращение к форме настоящего времени (и соответствующее этому некоторое замедление действия) происходит в финале романа, когда возникает образ Петруши Колпина. В романе нет прямых указаний на то, что Петруша приходится главному герою сыном. Однако читатель запоминает первую и единственную их многозначительную встречу, когда Петр Ардаров по просьбе матери *по-отечески* (с каким-то особым и, скорей всего, неясным для себя, но искренним и порывистым чувством) будет благословлять мальчика, названного в его честь: «Ардаров хотел было протянуть ему руку, но Дарья Андреевна быстро оглянулась на все стороны и скороговоркой шепнула:

– Поцелуйте его!..

Ардаров понял... Крепко обнял он мальчика и поцеловал его в голову. Мальчик безотчетно, но с чувством обнял князя. Дарья Андреевна страстно глядела на них обоих, и на прекрасных еще ее глазах засверкали две алмазные слезы...» (XII, 185).

Очевидно, что Соллогуб любит своего юного героя. Первое его появление будет сопровождаться ремаркой: «По лестнице вбежал красивый мальчик – бойкий, веселый, рослый,

здоровый» (XII, 185). В самом конце романа мы вновь встречаемся с этим героем, «молодым, здоровым, веселым», но уже повзрослевшим. «С радостным сердцем» возвращается он после «долгого путешествия» в Россию, готовым честно «служить этой необъятной земле» (XXI, 566). Так передается духовная эстафета от отца (и, может быть, не прервался все-таки род Ардаровых) к сыну, символизируя надежду стареющего писателя на молодое поколение – «русских мальчиков», которым по силам будет то, что не смогли сделать их «отцы».

Фабульная завершенность романа «Через край» сочетается, как видим, с его сюжетной незавершенностью: финал произведения оказывается разомкнутым в даль будущего, а его время – «открытым», включенным в широкий исторический поток времени.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Русская литература в 1842 году // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / Гл. ред. Н.Ф. Бельчиков. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 512–547.

2. Соллогуб В.А. Через край. Посмертный роман графа В.А. Соллогуба // Новь: Общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний. 1885. Т. 2. № 7–8. Т. 3. № 9–12 (текст романа цитируется по этому изданию с указанием глав и страниц).

3. Валек Н.А. «Через край» В.А. Соллогуба: от светской повести к «роману из современной жизни»: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 250 с.

4. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.

5. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.

6. Траурные процессии в СПб [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://imperator.spbnews.ru/nw/ceremon.html> (дата обращения 28.05.2012).

7. Гололобов М. Баш-Кадьяклярское сражение (19 ноября 1853 года) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://adjutant.ru/crimea/mgol_1853-bashkad.htm (дата обращения 28.05.2012).

8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 360 с.

POETICS OF TIME IN V.A. SOLLOGUB'S NOVEL «OVER THE EDGE»

S.I. Yermolenko, N.A. Valek

The article focuses on the temporal structure of the forgotten novel by V.A. Sollogub «Over the Edge» (published in 1885) and on the correlation of story-time and fictional time in this literary work. The plot-forming role of the «highway» chronotope (M.M. Bakhtin) is clarified; the latter is a link between different topoi and social worlds that connects various destinies, which imparts a capacious worldview to the novel.

Keywords: forgotten novel, V.A. Sollogub, «Over the Edge», road chronotope, story-time and fictional time.